

исполнилось и двух месяцев председательства Лобачевского в строительном комитете, как им объявлена была война члену комитета Калашникову, фавориту и доверенному лицу самого попечителя, осенью 1823 года назначенному Магницким на эту должность с жалованием в 2 1/2 тысячи рублей в год. Ревизия, назначенная после падения Магницкого, выяснила в 1826 г. все злоупотребления Калашникова, и Лобачевский со свойственной ему проницательностью тотчас же после вступления в должность председателя увидел в попечительском ставленнике хищника, желающего "погреть руки" у казенного сундука. Отношения между председателем комитета и его членом особенно обострились в апреле 1825 г. и дошли до открытого столкновения, в котором Лобачевский горячо и резко обличил Калашникова. В этом столкновении победа осталась на стороне Лобачевского: осенью того же года Калашников был назначен Магницким на должность директора училищ Симбирской губернии, так и не сдав отчетности по своей университетской строительной деятельности.

Горячее отношение к делу Лобачевского не раз доводило его до предосудительных поступков, которые вряд ли могут быть оправданы даже иравами и взглядами того времени. "С прискорбием должен довести до сведения вашего превосходительства неприятное происшествие, случившееся 11 февраля", — доносит инспектор Вишневский попечителю в 1825 г. "В заседании строительного комитета, в котором я сам не мог присутствовать по болезни, подрядчик Груздев, явившись для торгов, невежеством своим в обращении и грубостях перед членами оного комитета вывел из терпения г-на Лобачевского, так что сей последний ударил его; о сем происшествии я достоверно узнал", — добавляет инспектор в своем донесении. Инцидент кончился ничем.

Иначе разыгрался другой еще более печальный инцидент, имевший место в начале октября 1825 г. и о котором подробно рассказывает хранящееся в архиве Казанской попечительской канцелярии под таинственным заголовком "дело о происшествии 12 октября 1825 г." Лобачевскому донесли, что двое рабочих местного столяра Эренберга, приносившие в университет заказанную классную мебель, по вредной своей глупости, обрывали бронзовые листы с поручней только что сооруженной парадной лестницы, ведущей из главного университетского вестибюля к актовому залу. Виновные были разысканы и представлены председателю строительного комитета, который и приказал "аключить их под стражу, "привязав их для острастки к стулу". Некоторое время спустя Лобачевский зашел проведать заключенных и, к великому своему негодованию, нашел их, "в глубоком сне, несмотря на то, что они привязаны были к стулу". "Увлеченный негодованием, — рассказывает Лобачевский, — я приказал их наказать палочными ударами, по их бодрости видев, что они изdevались над строгостью моей, велел их отпустить после семидесяти, а может быть, и сотни ударов каждому, не слыша от них признания". Наказанные мастеровые, получившие по показанию экзекутора до двухсот ударов каждый, оказались крепостными; за самоуправство над ними, хотя бы из чувства господской амбиций, должны были вступиться их владельцы. Притом Лобачевский позволил себе применить к столярам